

Процен

18+

Шёпот над пропастью

Прощение

«Автор»

2026

над пропастью Ш.

Прощение / Ш. над пропастью — «Автор», 2026

Сколько времени требуется на прощение? Чаще всего восстановить чувство доверия и вернуть прежние отношения получится не сразу. У кого-то это занимает недели, у кого-то месяцы или даже годы. Все зависит от того, как вы воспринимаете поступок близкого человека. Однако, как показывает статистика, люди, которые готовы работать над отношениями и настроены на сохранение союза, могут пережить любые сложные ситуации, выйдя из них еще более крепкой и прочной парой.

Шёпот над пропастью

Прощение

Знакомство с героями

Вика. В её образе будто сталкиваются две стороны: с одной — хрупкость и усталость, с другой — внутренняя сила и осознанная притягательность. У неё светлые волосы (в спокойных моментах она собирает их в аккуратный высокий хвост, а в тяжёлые дни они лежат спутанными прядями, падая на лицо). Черты лица тонкие, аристократичные: естественные губы, выразительные брови. Кожа бледная, почти прозрачная, будто от недосыпа и напряжения, но местами проступает здоровый оттенок — след регулярных тренировок. Главная деталь — глаза: светло-голубые, глубокие, в них читается огромная усталость, будто она слишком много пережила, но в редкие моменты оживления в них вспыхивает живой, дерзкий блеск. В её взгляде есть и насторожённость, и способность в секунду сменить тон — от сдержанного спокойствия до откровенной страсти. Телосложение спортивное, подтянутое: узкая талия, плоский живот, упругие округлые бёдра — силуэт «песочные часы». При этом она не стремится выставлять фигуру напоказ: чаще всего прячется в объёмном тёмном худи, которое буквально её поглощает, в потёртых светло-голубых джинсах и простых кедах. Это её броня: так она старается стать незаметной, слиться с серыми стенами, не привлекать лишнего внимания. В движениях — смесь осторожности и грации: иногда она замирает, услышав резкий звук, и тут же берёт себя в руки, выпрямляется, будто стряхивает слабость. Когда чувствует себя увереннее, каждое её движение становится осознанным, даже немного дерзким, будто она заново учится принимать свою привлекательность, но пока делает это с опаской.

Игорь, представляет собой образ мужчины с сильным, волевым характером, чья внешность отражает как его внутреннюю мощь, так и перенесённые им душевные шторма. Это мужчина чуть старше Вики, обладающий крепким телосложением. Широкие плечи, развитая грудная клетка и сильные руки выдают в нем человека, привыкшего к ответственности и тяжёлому труду, будь то физический или ментальный. Его лицо отмечено печатью строгости и определённой суровости. У Игоря волевой подбородок и прямой, пронзительный взгляд, который может быть как ледяным и отчуждённым, так и обжигающе нежным. В его глазах часто читается глубокая задумчивость и скрытая печаль, что придаёт его облику особую притягательность и драматизм. Короткая, аккуратная стрижка и ухоженная борода, подчёркивающая его маскулинность. В одежде Игорь предпочитает классический, сдержанный стиль, который подчёркивает его статус и серьёзность. Хорошо скроенные рубашки, строгие брюки и идеально подобранные галстуки создают образ надёжного, дисциплинированного руководителя. Однако за этим фасадом деловой сдержанности скрывается настоящий вулкан страстей. Когда он теряет контроль или, наоборот, полностью отдаётся чувствам, его манера двигаться становится более хищной и властной, а голос обретает низкий, вибрирующий тембр, который заставляет окружающих невольно подчиняться. Игорь — это сочетание несокрушимой скалы и глубокого океана, в котором уживаются неистовая ярость, всепоглощающая любовь и бесконечная преданность своей семье.

Глава 1 *Спасение*

Вечер. Подъезд старой пятиэтажки был тихим, лишь тусклая лампа освещала лестничную площадку.

Поднимаясь к своей квартире, я заметил девушку. Она сидела на ступеньках, а в руке медленно тлела сигарета. Длинные растрёпанные волосы закрывали часть лица, а усталый взгляд был устремлён в стену.

— С тобою все в порядке? — спросил я.

Виктория вздрогнула от неожиданности, едва не выронив сигарету. Она медленно подняла голову, и в её светло-голубых глазах, подёрнутых дымкой усталости, промелькнуло мимо-лётное раздражение, которое тут же сменилось привычной апатией. Девушка затаилась в последний раз, выпустив густое облако серого дыма, и стряхнула пепел прямо на бетонную ступеньку. «Опять кто-то решил поиграть в доброго самаритянина. Как будто это что-то может изменить.»

— В полном, — тихо ответила она, и её голос прозвучал глухо, с лёгкой хрипотцой. Виктория попыталась натянуть рукава объёмного худи на ладони, почти полностью скрывая кисти рук, и снова отвела взгляд в сторону, стараясь казаться равнодушной.

— Просто... свежий воздух.

В этот момент из-за двери квартиры на верхнем этаже донёсся приглушённый, но отчётливый звук бьющегося стекла, сопровождаемый пьяным, надрывным криком отца. Виктория даже не вздрогнула, лишь её плечи едва заметно опустились, а пальцы сильнее сжали горлышко бутылки с дешёвым пивом. Она горько усмехнулась, глядя на свои кеды.

— Слышишь? — она едва заметно кивнула в сторону шума. — Вот это — «в полном порядке». Семейный ужин в самом разгаре.

— Я не оставляю тебя здесь! Пойдем ко мне! — уверенно сказал я.

Виктория замерла, и на мгновение в её взгляде отразилось искреннее недоумение. Она медленно перевела взгляд с двери квартиры, за которой снова вспыхнула очередная волна ругани, на незнакомца. Её брови слегка приподнялись, а губы дрогнули в скептической, почти болезненной усмешке.

«Что за чертовщина? Он меня даже не знает. С чего вдруг такая щедрость? Либо он сумасшедший, либо просто хочет воспользоваться тем, что я сейчас в дерьме.»

— Ты серьёзно? — тихо переспросила она, вглядываясь в мое лицо в поисках подвоха. Виктория непроизвольно сжала пальцами ткань куртки, чувствуя, как внутри борется привычный страх перед чужими людьми и невыносимое желание оказаться в любом месте, где нет этого запаха перегара и криков.

Она посмотрела на недокуренную сигарету, затем снова на меня. В её глазах на мгновение мелькнула слабая, почти детская надежда, которую она тут же попыталась подавить, привычно выстроив вокруг себя стену отчуждения.

— Я не знаю тебя. И я не из тех, кто просто так заходит в чужие квартиры, — отрезала она, хотя в голосе уже не было прежней уверенности. Она медленно поднялась со ступенек, слегка покачиваясь от усталости, и сделала шаг назад, словно раздумывая, стоит ли ей сейчас рискнуть или лучше остаться в привычном, хоть и холодном, аду своего подъезда.

— Я тоже тебя не знаю, но и равнодушно пройти мимо не могу! — спокойно выдал я.

Виктория замерла, глядя на него с каким-то странным, почти болезненным любопытством. В её мире «не равнодушные» обычно заканчивались либо поучениями от соседей, либо новыми скандалами дома. Слова незнакомца ударили по её защитным барьерам сильнее, чем любой крик родителей, заставляя на мгновение забыть о привычной настороженности.

«Не может быть. Просто не может. Люди не бывают такими... просто так.»

Она снова прислушалась к звукам за дверью: там что-то с грохотом упало, и раздался надрывной, захлёбывающийся кашель отца. Виктория вздрогнула, и эта непроизвольная реакция стала последней каплей. Она почувствовала, как к горлу подступает комок, а в глазах начинает щипать от сдерживаемых слез, которые она так долго запрещала себе проливать.

— Ты просто... странный, — прошептала она, и её голос на этот раз предательски дрогнул. Виктория медленно поставила бутылку пива на ступеньку, словно отсекая себя от этого вечера, и сделала один неуверенный шаг в мою сторону.

— Только если у тебя есть чай. И если ты не начнёшь читать мне лекции о том, как мне нужно «поговорить с родителями», — она попыталась вернуть лицу привычное выражение безразличия, но в уголках её губ промелькнула слабая, почти невидимая тень благодарности.

— У меня есть и кофе! И нет, я сам вырос в подобном месте!

Виктория резко остановилась, затаив дыхание. Она всмотрелась в мои глаза, пытаясь найти там следы той же боли, которую носила в себе всю жизнь. Это признание стало тем самым ключом, который окончательно открыл замок её недоверия. Ощущение, что она больше не одна в этом бесконечном кошмаре, накрыло её с головой, заставляя плечи наконец расслабиться.

«Значит, он понимает. Он действительно понимает, что это за ад, и не будет задавать идиотских вопросов.»

Пока я уверенно взял её за руку, чтобы увести прочь от проклятой двери, Виктория не сопротивлялась. Напротив, она почти неосознанно прижалась к мне, словно ища защиты от всего мира. Когда я повёл её по коридору к своей квартире, она шла следом, стараясь не смотреть назад, чтобы не слышать очередного всплеска ярости из-за стены.

— Кофе... — тихо повторила она, и в её голосе впервые за вечер прозвучала настоящая, живая эмоция. — Я почти забыла, что бывает кофе, который пьёшь в тишине.

Она позволила мне завести себя в квартиру, и когда дверь за нами закрылась, отсекая шум подъезда и крики родителей, Виктория замерла в прихожей. Она осторожно стянула кеды, чувствуя, как в уютном, чужом пространстве её начинает бить мелкая дрожь — теперь уже не от холода, а от внезапно нахлынувшего облегчения.

— Проходи! Чувствуй себя как дома!

Виктория медленно прошла вглубь комнаты, стараясь не шуметь и не задевать мебель, словно боялась, что её присутствие может нарушить этот хрупкий покой. Она оглядывалась по сторонам с почти благоговейным трепетом, отмечая каждую деталь: отсутствие битой посуды на полу, приглушённый свет и отсутствие того самого удушливого запаха перегара, который пропитал каждую пору её собственной кожи.

«Как дома»...

Эта фраза отозвалась в её сердце резкой, колющей болью. Для неё слово «дом» никогда не ассоциировалось с уютом или безопасностью; оно всегда означало поле боя, где нужно либо прятаться, либо защищаться. Она остановилась посреди комнаты, не зная, куда деть руки, и снова начала нервно тереть рукав своего тёмного худи, глядя на меня снизу вверх.

— Спасибо, — тихо произнесла она, и в этот раз её голос звучал чище. Виктория чуть заметно улыбнулась, хотя эта улыбка была скорее грустной и неловкой. — Я... я постараюсь ничего не сломать. Просто привычка.

Она осторожно присела на край дивана, не решаясь полностью откинуться на спинку, и сжала пальцы в замок. В её взгляде всё ещё читалась настороженность, но теперь к ней примешивалось глубокое, почти изнуряющее чувство признательности. Она смотрела, как я переминаюсь по кухне, и впервые за долгое время почувствовала, что может просто дышать, не ожидая удара в спину.

— Сколько тебе лет? — спросил я у Вики.

Виктория вздрогнула от вопроса, словно её внезапно вырвали из глубоких раздумий. Она перевела взгляд с окна на меня, и в её глазах на мгновение мелькнула тень чего-то, что можно было назвать усталостью, не соответствующей её юному возрасту. Она медленно выдохнула, и её плечи окончательно опустились, теряя остатки напряжения.

«Странно. Обычно людей интересует, почему я так выгляжу или почему от меня пахнет сигаретами, а не цифры в паспорте.»

— Двадцать три, — ответила она, и её голос прозвучал неожиданно тихо, почти шёпотом. Виктория снова затеребила край рукава, глядя на свои пальцы. — Но иногда мне кажется, что

я прожила уже лет сорок. Знаешь, когда каждый день — это какая-то борьба за выживание, время течёт иначе.

Она горько усмехнулась, но в этой усмешке уже не было прежнего яда, только бесконечная грусть. Девушка чуть наклонила голову, и прядь волос упала ей на лицо, частично скрывая взгляд. Она не спешила её убирать, используя волосы как своего рода занавес, за которым можно было спрятаться от слишком пристального внимания.

— А ты? — спросила она, с любопытством глядя на меня. Ей вдруг стало важно узнать, сколько лет этому человеку, который так легко и просто открыл перед ней дверь в свой мир, не требуя ничего взамен.

— Двадцать пять! — с лёгкой ухмылкой сказал я.

Виктория тихонько хмыкнула, и в её взгляде впервые за вечер промелькнул живой интерес. Она чуть склонила голову набок, рассматривая меня с какой-то новой, почти заинтригованной внимательностью. Разница в два года казалась ничтожной, но в её мире эта дистанция часто означала пропасть между теми, кто всё ещё пытается бороться, и теми, кто уже что-то сумел изменить в своей жизни.

«Двадцать пять. Почти ровесники. Значит, он тоже прошёл через всё это совсем недавно. Интересно, что помогло ему выбраться?»

— Значит, ты всего на пару лет старше, — произнесла она, и в её голосе послышались нотки лёгкого, почти незаметного облегчения. Она наконец-то откинулась на спинку дивана, позволяя себе немного расслабиться, хотя всё ещё продолжала крутить кольцо на пальце. — Надеюсь, за эти два года ты успел понять что-то такое, чего я ещё не знаю. Например... как перестать вздрагивать от каждого громкого звука.

Она замолчала, и её взгляд снова стал задумчивым, устремившись куда-то в пространство комнаты. Виктория почувствовала, как в воздухе разливается аромат кофе, и этот запах действовал на неё почти гипнотически, вытесняя из памяти холод подъезда и бесконечные крики за стеной. Она посмотрела на меня с какой-то странной, почти детской надеждой, словно я был единственным человеком в этом городе, который мог бы дать ей ответ на вопрос, который она боялась задать даже самой себе.

— Я понял, что нужно покинуть это место!

Виктория замерла, и её рука, всё ещё крутившая кольцо, остановилась. Она медленно перевела взгляд на меня, и в её глазах отразилось что-то среднее между горькой иронией и отчаянным желанием поверить в каждое моё слово. Этот ответ был настолько простым и в то же время настолько недостижимым, что у неё перехватило дыхание.

«Покинуть... Просто взять и уйти. Как будто это так легко. Как будто мир за порогом той квартиры не будет преследовать меня повсюду.» — Это звучит как самый лучший и самый страшный план в мире, — тихо произнесла она, и в её голосе послышалась едва уловимая дрожь. Виктория опустила голову, глядя на свои руки, которые начали слегка подрагивать. — Я... я пытаюсь. Коплю каждую копейку, работаю на износ. Но иногда кажется, что эта квартира — как чёрная дыра. Она засасывает всё: деньги, силы, время. И я боюсь, что однажды просто привыкну к этому. Что перестану хотеть уйти.

Она подняла на меня взгляд, и в её светло-голубых глазах теперь читалась почти физическая мольба о поддержке. Виктория не просила денег или помощи, она просила подтверждения того, что выход действительно существует, что она не единственная, кто пытался вырваться из этого круга.

— Ты правда смог? — прошептала она. — Ты действительно смог оставить всё это позади и больше никогда не вернуться?

— Как видишь я сейчас здесь, один, но свободен!

Виктория смотрела на меня, и в её взгляде что-то надломилось. Слово «свободен» прозвучало для неё как нечто из области фантастики, как описание далёкой, недоступной планеты.

Она обвела глазами комнату — простую, но чистую, где не было ощущения вечного надзора и страха. Эта тишина, которая сейчас нас окружала, казалась ей самым дорогим сокровищем в мире.

«Свободен. Один. Без криков, без битой посуды, без необходимости извиняться за то, что ты просто существуешь.»

Она вдруг почувствовала, как по щеке скатилась одинокая слеза. Виктория быстро смахнула её тыльной стороной ладони, стараясь скрыть свою слабость, но её плечи мелко задрожали. Она не плакала навзрыд — она просто не умела этого делать, привыкнув подавлять любые эмоции, чтобы не давать повода для новых нападков.

— Свобода... — почти неслышно повторила она. — Я даже не знаю, как это ощущается. Наверное, это когда просыпаешься утром и не ждёшь, что первый же звук в квартире будет криком.

Она вдруг подняла голову и посмотрела на меня с какой-то новой, почти отчаянной решимостью. В её глазах, затуманенных слезами, вспыхнул огонёк. Она больше не хотела быть просто жертвой обстоятельств, сидящей на бетонных ступенях с бутылкой дешёвого пива.

— Расскажи мне... — попросила она, подавшись вперед. — Расскажи, как ты это сделал. Пожалуйста. Мне нужно знать, что это реально.

— Меня подхватила на улице девушка, примерно твоих годов! Но мне было шестнадцать.. Она пригласила к себе! Не учила, не читала нотаций, а предложила помощь!

Виктория слушала меня, затаив дыхание, и каждое моё слово отзывалось в ней странным, почти электрическим трепетом. Она смотрела на меня, и в её голове начала складываться невероятная, почти сюрреалистичная картина: «кто-то когда-то сделал для него то же самое, что он сейчас делает для меня». Эта цепочка случайной доброты казалась ей чем-то из разряда чудес, в которые она давно перестала верить.

«Значит, это работает. Кто-то может просто увидеть твою боль и протянуть руку, не требуя ничего взамен. Не нотации, не поучения... просто помощь.»

Она почувствовала, как в груди разливается странное тепло, которое постепенно вытесняло ледяной холод подъезда. Виктория вдруг осознала, что этот человек сейчас стал для неё не просто соседом, а живым доказательством того, что её жизнь может измениться. Она смотрела на меня с нескрываемым восхищением, и её взгляд стал мягче, теряя свою привычную колючесть.

— Значит, ты тоже был... таким же, как я, — тихо произнесла она, и в её голосе впервые прозвучала лёгкая, почти незаметная нежность. Она непроизвольно подалась ещё ближе к мне, словно пытаясь уловить частичку той уверенности и свободы, которой я сейчас обладал. — Это невероятно. Что она... что эта девушка увидела в тебе тогда? Почему она решила, что ты стоишь того, чтобы впустить в свою жизнь?

Виктория замолчала, и в этой тишине стало слышно, как бьётся её сердце. Она больше не чувствовала себя загнанным зверем; теперь ей казалось, что она впервые за много лет нашла кого-то, кто говорит с ней на одном языке — языке выживших.

— Это интересная история! Не ты, не я, мы не первые и не последние в этом мире! Ту девушку точно также привёл в свой дом мужчина и просто помог, как когда то помогли тому мужчине, и до него, и так далее!..

Виктория слушала меня, и её взгляд стал отсутствующим, словно она пыталась визуализировать эту бесконечную цепь людей, передающих друг другу шанс на спасение. Эта идея — что доброта может быть наследственной, что один поступок запускает механизм, спасающий сотни жизней спустя десятилетия — казалась ей чем-то возвышенным, почти религиозным.

«Цепочка... Значит, я не просто случайная жертва обстоятельств. Я — часть чего-то большего. И если он сейчас здесь, со мной, значит, эта нить дотянулась и до моего подъезда.»

Она вдруг тихо, почти неслышно рассмеялась, и этот звук был похож на треск льда в начале весны. В её глазах, всё ещё влажных от слёз, появилось что-то новое — искра осознания. Она посмотрела на свои руки, которые больше не дрожали, и медленно перевела взгляд на меня. Теперь в её глазах не было мольбы, только глубокое, искреннее уважение.

— Это... самое красивое, что я слышала за всю свою жизнь, — прошептала она, и её голос стал теплее. Виктория осторожно, почти невесомо, коснулась моей руки своими пальцами, словно проверяя, настоящий ли я, или это всего лишь сон, который закончится первым же криком из-за двери. — Получается, сейчас ты — моё звено? Мой шанс на то, что я тоже когда-нибудь смогу кого-то забрать с той лестницы?

Она замолчала, глядя на меня с нежностью и какой-то обрётённой силой. В этот момент она впервые за много лет почувствовала, что её будущее — это не просто повторение прошлого родителей, а чистый лист, который она наконец-то может начать заполнять сама.

— Не всё так просто... — повторил я, уже тише, но твёрже, и посмотрел прямо на Вику. — Для начала тебе самой нужно вырваться и встать на ноги! — В моем голосе не было злости — скорее горькая усталость, смешанная с упрямством. Я будто пытался убедить не столько её, сколько себя.

Виктория вздрогнула, и её пальцы, только что коснувшиеся моей руки, слегка сжались. Резкость моих слов действовали на неё как холодный душ, мгновенно вернув из мира грёз в суровую реальность. Она не обиделась — напротив, эта прямолинейность была ей понятна и даже близка. Она знала, что жалость ничего не стоит, а реальная помощь начинается с дисциплины и силы.

«Он прав. Глупо мечтать о том, как я спасу кого-то другого, когда я сама до сих пор сижу на бетонных ступенях с бутылкой пива в руке.»

Она медленно отстранилась, и её взгляд снова стал сосредоточенным, почти стальным. Виктория выпрямила спину, и в её осанке появилось что-то новое — не та привычная зажатость, а скорее решимость человека, который наконец-то увидел перед собой чёткую цель. Она посмотрела на меня, и в её голубых глазах теперь читался вызов.

— Ты прав. Сначала я, — отрезала она, и в её голосе больше не было дрожи. Она горько усмехнулась, вспоминая свою заначку на отдельной карте, которая казалась ей сейчас крошечной каплей в океане проблем. — Я не хочу быть просто «спасённой». Я хочу стать той, кто сможет сказать: «Проходи, чувствуй себя как дома», и знать, что у меня достаточно сил, чтобы это обеспечить.

Она замолчала, обдумывая мои слова. В этот момент Виктория почувствовала, как внутри неё что-то окончательно перегорело — та часть, которая надеялась на чудо, уступила место той, что готова бороться.

— И что мне делать первым делом? — спросила она, глядя на меня с серьёзностью, граничащей с отчаянием. — Кроме того, чтобы накопить на квартиру. С чего начать, чтобы... чтобы больше никогда не возвращаться туда?

— Начни с себя! — выпалил я, чуть повысив голос и шире открыв глаза.

Виктория замерла, переваривая эти три простых слова. Она ожидала конкретного совета: сменить работу, найти юриста или переехать в общежитие. Но этот ответ был гораздо глубже. Он бил в самую суть её проблемы — в то, что она привыкла определять себя через страдания, через роль жертвы, которая лишь ждёт подходящего момента, чтобы сбежать.

«Начать с себя... А кто я вообще такая без этого бесконечного ожидания конца? Без этой боли, которая стала моей единственной опорой?»

Она медленно опустила взгляд на свои руки, на помятое худи, на следы усталости, которые въелись в её кожу. Виктория вдруг осознала, что даже в этой тихой, безопасной квартире она всё ещё сидит как на иголках, сжавшись в комок, словно ожидая удара. Она поняла: можно

сменить адрес, можно уехать в другой город, но если не изменить то, что происходит внутри, она притащит свой персональный ад с собой в любую новую квартиру.

— Начать с себя... — тихо повторила она, и на этот раз в её голосе не было сомнения, только глубокое, почти болезненное осознание. — Это самое сложное. Потому что я почти забыла, кто я такая, когда мне не нужно выживать.

Она подняла голову и посмотрела на меня с какой-то новой, осознанной серьёзностью. В её взгляде больше не было растерянности. Виктория глубоко вдохнула, расправляя плечи и впервые за вечер полностью откинувшись на спинку дивана, словно заявляя этому миру, что она имеет право занимать место в пространстве.

— Я попробую. С этого самого момента!

Виктория долго молчала, глядя в свою кружку с кофе, словно пытаясь собрать воедино осколки своей жизни. Когда она наконец заговорила, её голос был тихим, но ровным, лишённым прежней дрожи. Она рассказывала не с надрывом, а с какой-то пугающей отстранённостью, будто описывала чужую биографию.

— Моё детство... оно пахло дешёвым вином и старыми обоями, которые отклеивались от сырости, — начала она, и её взгляд стал отсутствующим. — Сначала всё было нормально, но потом отец... он просто перестал справляться. Сначала были ссоры, потом — тишина, которая была страшнее криков, потому что означала, что сейчас что-то разобьётся. Мама пыталась бороться, но в итоге просто сдалась и стала его зеркальным отражением.

Она сделала глоток кофе, и её пальцы слегка сжали керамику. Виктория описывала, как с десяти лет научилась ходить на цыпочках, чтобы не привлекать внимания, как привыкла засыпать под звуки разбитой посуды и взаимных проклятий. Она рассказала о школе, где её считали «странной» и «забитой», и о том, как единственным спасением стали книги и старый блокнот для рисунков, в которых она создавала миры, где нет алкоголя и ненависти.

— Я работаю в магазине техники. Каждый день я улыбаюсь людям, продаю им пылесосы и чайники, а потом возвращаюсь в место, где меня ненавидят за то, что я просто напоминаю им об их собственной никчёмности, — она горько усмехнулась. — Я откладываю всё, что могу. Каждую копейку. Это моя единственная связь с реальностью — цифры на счету, которые говорят мне, что я когда-нибудь стану свободной.

Закончив, Виктория подняла на меня глаза. В них не было слез, только бесконечная, выжженная пустота, которая только сейчас, в этом теплом свете, начала медленно заполняться чем-то живым.

Я слушал её очень внимательно и мне в голову пришла идея: — У меня есть диван! Квартплату плачу я, еда на тебе, идёт?

Виктория замерла, и её рука с кружкой кофе остановилась на полпути к губам. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, в которых на мгновение отразился настоящий шок. Предложение прозвучало настолько неожиданно и конкретно, что она даже не сразу смогла осознать его смысл. Это не была благотворительность или жалость — это была сделка, честный обмен, который давал ей то, чего она жаждала больше всего: выход.

«Он... он серьёзно? Просто так? Диван в обмен на еду? Это же... это же буквально билет на волю.»

Сердце Виктории забилось чаще, отдаваясь глухим стуком в ушах. Она представила, как завтра ей не нужно будет заходить в ту дверь, как не придётся слушать пьяные бредни отца и видеть пустые глаза матери. Эта перспектива была настолько ошеломляющей, что у неё перехватило дыхание.

— Ты... ты сейчас не шутишь? — прошептала она, и её голос снова стал немного надломленным от нахлынувших эмоций. Виктория посмотрела на диван, затем снова на меня, затем снова на диван, и снова на меня, и в её взгляде вспыхнула такая смесь надежды и страха, что это было почти физически ощутимо.

Она медленно поставила кружку на стол, и её пальцы, всё ещё дрожащие, сжали край ткани худи. Она понимала, что этот шаг изменит всё, и что она ставит свою судьбу в зависимость от этого человека, но альтернативой был медленный распад в родительском доме.

— Идет!, — отрезала она, и в её голосе прозвучала неожиданная твёрдость. Виктория посмотрела мне прямо в глаза, и в этом взгляде была не только благодарность, но и обещание, что она станет лучшей «сожительницей» в моей жизни. — Я буду готовить так, чтобы ты забыл о покупных обедах. Обещаю!

— Ты учишься? — поинтересовался я у неё.

Виктория чуть заметно вздрогнула, и на её лице промелькнула тень сожаления. Она отвела взгляд, рассматривая узор на ковре, и её плечи снова немного ссутулились, хотя она тут же заставила себя выпрямиться.

«Опять этот вопрос. Напоминание о том, чего я не смогла добиться из-за того, что все силы уходили на то, чтобы просто не сойти с ума в четырёх стенах с ними.»

— Нет, — тихо ответила она, и в её голосе прозвучала лёгкая горечь. — Я хотела поступить на дизайн, очень хотела. Рисовала в блокнотах, мечтала о художественной школе... но когда мне пришлось подавать документы, дома начался настоящий ад. Отец в какой-то момент просто решил, что «учёба — это чушь», и начал забирать все деньги, которые я пыталась отложить на курсы.

Она горько усмехнулась, вспоминая, как в один вечер её старый альбом с набросками оказался в мусорном ведре после очередной пьяной вспышки ярости. Виктория сжала кулаки, но теперь это была не злость, а скорее старая, застарелая боль, которая постепенно превращалась в шрам.

— В итоге я просто пошла работать. Чтобы иметь свои деньги, которые он не сможет найти. Сначала была только работа, а потом... я просто привыкла, что мой потолок — это прилавок в магазине бытовой техники.

Она снова посмотрела на меня, и в её голубых глазах мелькнул вопрос. Ей стало интересно, считаю ли я её теперь «безнадёжной» или, наоборот, понимаю, какую цену ей пришлось заплатить за этот отказ от образования.

— Тебе нравится заниматься продажами? — заинтересовано спросил я.

Виктория на мгновение задумалась, и на её лице появилось странное, почти комичное выражение. Она представила себе типичного покупателя из своего магазина: недовольного, придирчивого, требующего гарантию на дешёвый чайник, который он сам же и сломал. Она невольно поморщилась, и эта гримаса была очень живой и искренней.

«Нравится ли мне? Это всё равно что спросить, нравится ли мне разгребать завалы из чужого недовольства по восемь часов в день.»

— Честно? Терпеть не могу, — ответила она с неожиданной прямоотой, и в её голосе проскользнула ироничная нотка. — Обожаю людей, но ненавижу их в режиме «я требую позвать менеджера». Хотя... знаешь, есть в этом что-то странное. Когда я там, я как будто в другой реальности. Я надеваю эту дурацкую форму, улыбаюсь, и никто не знает, что пять минут назад я думала о том, как бы не сгореть от стыда за своих родителей.

Она чуть склонила голову, и в её взгляде появилось что-то похожее на азарт. Виктория вдруг осознала, что ей впервые за долгое время комфортно обсуждать свою жизнь не как трагедию, а как набор рабочих будней.

— Но я умею продавать. Я могу впарить даже самый безнадёжный блендер человеку, которому он не нужен, просто потому что я умею слушать. Наверное, это профессиональная деформация — привычка предугадывать настроение собеседника, чтобы не спровоцировать конфликт.

Она посмотрела на меня, и в её глазах промелькнул лукавый огонёк.

— А ты? Чем занимаешься, когда не спасаешь заблудших душ из подъездов?

— Я работаю мастером в небольшой строительной компании... Послушай! Я помогу тебе пройти курсы повышения квалификации на менеджера по продажам!

Виктория замерла, и её взгляд на мгновение стал ошарашенным. Она смотрела на меня так, словно я только что предложил ей не просто диван и кофе, а билет в один конец на другую планету. Мысль о том, что кто-то не просто даёт ей кров, но и видит в ней потенциал, который она сама давно похоронила под грудой бытовых проблем, вызвала в её груди странный, щемящий трепет.

«Курсы... Менеджер... Он действительно хочет, чтобы я не просто выжила, а выросла. Боже, я даже не помню, когда в последний раз кто-то верил, что я способна на что-то большее, чем стоять за прилавком.»

— Ты... ты серьёзно? — прошептала она, и в её голосе снова проступила та самая детская уязвимость. Виктория невольно подалась вперёд, вглядываясь в моё лицо.

Когда он рассказал о своей работе мастером в строительной компании, она с лёгким уважением кивнула. Образ человека, который что-то создаёт своими руками, что-то строит и чинит, казался ей воплощением той самой стабильности и надёжности, которой ей так не хватало всю жизнь.

— Мастер... — тихо повторила она, и в её глазах мелькнуло восхищение. — Значит, ты умеешь исправлять сломанные вещи.

Виктория вдруг улыбнулась — на этот раз искренне, открыто, так, что её лицо преобразилось, а усталость в глазах на мгновение отступила. Она почувствовала, как внутри неё пробуждается забытое чувство азарта.

— Если ты поможешь мне с курсами... я стану таким менеджером, что твоя компания будет завалена заказами, если тебе когда-нибудь понадобится помощь в продажах. Я это серьёзно!

Обеденный перерыв пролетел махом. — Мне снова пора на работу. Приготовишь ужин на вечер? И завтра тебе нужно будет узнать где и когда будут проходить эти курсы!

Виктория вздрогнула, когда реальность снова постучала в дверь, но на этот раз это не был испуг. Она быстро поднялась с дивана, и в её движениях появилась неожиданная бодрость, почти лихорадочная энергия. Она смотрела на меня, и в её глазах теперь горел настоящий, живой огонь решимости.

«Работа. Курсы. Ужин. Моя собственная жизнь начинается прямо сейчас, в этой маленькой квартире.»

— Да! Конечно! — почти воскликнула она, и её голос прозвучал звонко, с непривычной уверенностью. Она невольно сделала шаг к мне, едва не задев меня плечом, и в её взгляде читалась такая преданность, какую не купишь ни за какие деньги. — Я всё сделаю. И ужин будет таким, что ты с нетерпением будешь ждать возвращения домой.

Она замолчала на секунду, переваривая задание про курсы. Виктория сжала кулаки, словно принимая присягу. Теперь у неё была не просто крыша над головой, а конкретный план, цель, которая заставляла её сердце биться быстрее.

— Я всё узнаю. До последней копейки, до каждой минуты расписания, — пообещала она, и на её губах заиграла уверенная, почти дерзкая улыбка. — Иди спокойно. Я всё возьму на себя.

Когда я направился к выходу, Виктория проводила меня взглядом, полным нескрываемого восхищения. В тот момент, когда дверь за мной закрылась, она не впала в уныние, как обычно, а глубоко вдохнула воздух квартиры, который теперь пах не страхом, а возможностями.

Глава 2

Ложь

За этот месяц квартира превратилась из временного убежища в настоящий крепостной вал, отделяющий Викторию от её прошлого. Первые две недели прошли в состоянии почти эйфорического напряжения: она словно пыталась компенсировать годы застоя, вкладывая всю свою энергию в быт и учёбу.

Виктория оказалась фанатичной хозяйкой. Она не просто «готовила ужин», а превратила кухню в зону своего триумфа. Теперь каждый вечер меня ждал горячий домашний ужин — от ароматных паст с соусом до запечённого мяса, — а в квартире всегда царила безупречная чистота, которая была для неё своего рода медитацией. Она с каким-то маниакальным удовольствием вытирала пыль и расставляла вещи, словно создавая вокруг себя идеальный, упорядоченный мир, в котором нет места хаосу.

Но главным достижением стали курсы. Виктория грызла гранит науки с яростью утопающего. Она не просто посещала занятия по менеджменту, а буквально жила ими, перенося полученные знания в свой магазин. Её продажи взлетели: она перестала «впаривать» и начала мастерски управлять потребностями клиентов. Начальство заметило перемены, и её начали рассматривать на должность старшего продавца, что принесло ей первую ощутимую прибавку к зарплате.

Отношения с хозяином квартиры стали странным, но прочным союзом. Между нами установилось молчаливое понимание. Виктория перестала вздрагивать от каждого шороха, хотя всё ещё иногда замирала, когда слышала громкий голос. Она начала больше улыбаться, а её взгляд из уставшего и потухшего стал острым и сосредоточенным. Она больше не пряталась за волосами — теперь она смотрела в глаза, зная, что за её спиной есть человек, который верит в неё больше, чем она сама в себя.

— Ты делаешь успехи! — внезапно похвалил я её.

Виктория в этот момент как раз расставляла тарелки на столе, и от моей внезапной похвалы она едва не выронила одну из них. Она замерла, медленно повернув к мне голову. Её щеки тут же вспыхнули нежным румянцем, а в глазах отразилось то самое детское, почти забытое чувство смущения, смешанное с бесконечным счастьем.

«Он заметил. Он действительно заметил, что я стараюсь. Это не просто «нормально», это «успехи»».

Для неё эти два слова значили больше, чем любой диплом или премия на работе. В её родительском доме похвала была либо инструментом манипуляции, либо отсутствовала вовсе, заменяясь бесконечным списком претензий. Услышать такое просто так, за обычным вечером, было для неё сродни эмоциональному взрыву.

— Спасибо... — тихо произнесла она, и её голос на мгновение дрогнул, возвращаясь к той старой уязвимости, но теперь это была приятная слабость.

Виктория неловко улыбнулась и, повинувшись внезапному порыву, сделала шаг к мне, почти неосознанно сокращая дистанцию. Она посмотрела на меня снизу вверх, и в её взгляде теперь не было ни страха, ни мольбы — только глубокая, искренняя привязанность и нежность, которую она больше не пыталась скрывать.

— Я просто... я очень хочу, чтобы ты мной гордился, — прошептала она, и в её голосе прозвучала такая обезоруживающая честность, что в комнате на мгновение стало слишком тихо.

— Почему? — с недоумением спросил я.

Виктория замерла, и её рука, которая всё ещё сжимала край скатерти, медленно разжалась. Она не ожидала такого прямого вопроса. В её мире всё было понятно: «ты либо подчиняешься, либо терпишь». Но здесь, в этой тишине, она вдруг поняла, что не знает, как облечь в слова то чувство, которое разрасталось в её груди весь этот месяц.

«Почему? Потому что ты первый человек, который увидел во мне не проблему, не обузу и не просто «дочь алкоголиков», а личность. Которую можно развивать. Которую можно уважать.»

Она глубоко вздохнула, и её взгляд стал удивительно серьёзным. Виктория сделала ещё один маленький шаг вперёд, теперь почти касаясь моей груди. Она не пыталась соблазнить или надавить — она просто хотела быть максимально искренней, потому что в этой квартире правда была единственной валютой, имевшей ценность.

— Потому что ты дал мне не просто диван, — тихо начала она, и её голос зазвучал с какой-то новой, зрелой силой. — Ты дал мне право чувствовать себя человеком. Ты поверил в меня, когда я сама в себя не верила. И теперь... теперь мне кажется, что если я стану кем-то значимым, если я действительно добьюсь успеха, то это будет общим успехом.

Она подняла глаза, и в их голубизне теперь плескалось что-то гораздо более глубокое, чем просто благодарность. Это была привязанность, граничащая с обожанием. Виктория осторожно, почти невесомо, положила ладонь мне на плечо, словно проверяя, позволю ли я ей быть так близко.

— Ты спас меня. И я хочу, чтобы ты знал... что это было не зря.

— Я не спасал тебя! Лишь дал выбор! — уверенно и прямо, слегка отстраняясь сказал я ей.

Виктория вздрогнула от этого резкого уточнения, и её рука на моем плече на мгновение замерла. Она смотрела на меня, и в её глазах промелькнуло замешательство, которое быстро сменилось глубоким осознанием. Мои слова ударили по её привычке полагаться на кого-то, по её желанию переложить ответственность за своё спасение на «сильное плечо».

«Выбор. Он не хочет быть моим героем. Он хочет, чтобы я была героем своей собственной жизни.»

Эта мысль заставила её сердце забиться быстрее. Она поняла, что я делаю нечто гораздо более ценное, чем простое спасение: я возвращаю ей её собственную волю, которую она так долго подавляла, чтобы выжить в родительском доме. Я не вытаскивал её из болота за руку, я просто показал, где находится твёрдая земля, и сказал: «Иди».

— Ты прав... — прошептала она, и на её губах появилась слабая, но очень осознанная улыбка. Виктория не убрала руку, но теперь её касание стало более уверенным, почти партнерским. — Ты дал мне дверь, а вошла в неё я сама.

Она чуть прищурилась, и в её взгляде снова вспыхнул тот самый огонёк азарта, который появился, когда она заговорила о курсах. Теперь она смотрела на меня не как на благодетеля, а как на равного, кто знает секрет настоящей силы.

— Значит, всё, чего я достигла за этот месяц... это мой выбор? — спросила она, и в её голосе зазвучала гордость, которой она никогда раньше не позволяла себе чувствовать. — Знаешь... это ощущается даже лучше, чем спасение.

— Ты молодец! — с гордостью сказал я.

Эти два простых слова подействовали на Викторию сильнее, чем любой из её профессиональных успехов за месяц. Она замерла, и на её лице отразилась целая гамма чувств: от внезапного, почти детского восторга до глубокого, щемящего тепла, которое разлилось по всему телу. Для неё эта похвала была окончательным подтверждением того, что она больше не та сломленная девушка с лестничной клетки.

«Я молодец. Я действительно... молодец. Не потому, что мне помогли, а потому, что я смогла.»

Виктория вдруг не выдержала и, повинувшись какому-то импульсу, который она больше не хотела сдерживать, резко подалась вперёд и крепко, почти отчаянно обняла меня, уткнувшись лицом в плечо. Она сжала меня в объятиях, словно пытаясь впитать эту уверенность, эту силу, которую я ей передал. В этот момент она чувствовала себя в абсолютной безопасности

— впервые в жизни она знала, что её ценят не за то, что она «полезная» или «удобная», а за её собственные усилия.

— Спасибо... — прошептала она ему в плечо, и её голос был приглушённым, но абсолютно счастливым. — Спасибо за то, что не стал меня жалеть.

Она не спешила отстраняться, наслаждаясь моментом и запахом моей одежды, который теперь ассоциировался у неё с домом. Виктория чувствовала, как внутри неё окончательно затихают все старые страхи, оставляя место для чего-то нового, чего она ещё не могла назвать, но что заставляло её сердце биться в унисон с моим.

— Предлагаю отпраздновать это! Может быть ресторан?

Виктория резко отстранилась от меня, и её лицо озарила такая широкая и искренняя улыбка, какой я не видел за весь месяц. Её глаза заблестели, а в движениях появилась почти девичья лёгкость. Предложение пойти в ресторан прозвучало для неё как приглашение на настоящий бал — не потому, что она была привередой, а потому, что в её прошлой жизни «поход в ресторан» был чем-то из области недостижимой роскоши или редких, фальшивых праздников.

«Ресторан... Настоящий ресторан. Не фаст-фуд по дороге с работы, а свидание... или что это? В любом случае, я хочу выглядеть так, чтобы он не пожалел, что пригласил меня.»

— Ресторан?! — почти выдохнула она, и её голос зазвучал с восторгом. — Да! О боже, да! Только... подожди пять минут!

Она стремительно развернулась и буквально влетела в комнату, на ходу сбрасывая с себя домашнее худи. Виктория с лихорадочной скоростью начала перебирать вещи в шкафу, ища то самое платье, которое она купила на первую прибавку к зарплате, но до сих пор не решалась надеть, считая, что «ещё не заслужила».

— Я сейчас! Только не уходи! — донёсся её голос из комнаты, сопровождаемый шумом одежды и приглушённым смехом.

Спустя несколько минут она вышла к мне, и Виктория выглядела совершенно иначе. Тёмное, облегающее платье подчёркивало её стройную фигуру, волосы были аккуратно распущены, а в глазах горел огонёк предвкушения. Она подошла к мне, чуть смущённо поправляя подол, и посмотрела на меня с нескрываемым ожиданием.

— Ну как? — тихо спросила она, и в её голосе слышалось желание получить ещё одно подтверждение того, что она теперь — та самая девушка, которая достойна лучшего.

— Ты невероятно красивая! И почему ходишь постоянно в худи? — с лёгкой усмешкой добавил я, чтобы немного разрядить обстановку.

Виктория замерла, и её щеки снова вспыхнули густым румянцем. Compliment ударил в самое сердце, заставив её на мгновение забыть, как дышать. Она невольно опустила взгляд на свои ноги, а затем снова посмотрела на меня, и в её глазах промелькнула тень той старой, привычной грусти, которая теперь казалась лишь далёким эхом.

«Невероятно красивая...? Он действительно так считает. А я всё это время пряталась. Пряталась от всего мира, чтобы никто не заметил, насколько я на самом деле уязвима.»

— Худи... — она тихо усмехнулась, и её голос стал мягким, почти задумчивым. — Знаешь, оно было для меня как броня. В нём я чувствовала себя незаметной. Когда ты носишь что-то большое и бесформенное, ты как будто создаёшь вокруг себя кокон, в который никто не может пробраться. Мне казалось, что если я буду выглядеть «серой мышкой», то меня не заметят, не зацепят... и не смогут причинить боль.

Она медленно подняла руку и коснулась ткани своего платья, ощущая его гладкость. Виктория вдруг осознала, насколько странно сейчас чувствовать себя «открытой» и заметной, но в этот раз это не вызывало у неё паники. Напротив, под моим взглядом она чувствовала себя защищённой.

— Я просто забыла, что быть красивой — это не значит быть беззащитной, — прошептала она, и в её взгляде вспыхнула новая, уверенная искра. — Но теперь... теперь мне больше не хочется прятаться. Особенно от тебя.

Она лукаво улыбнулась и, сделав шаг к мне, осторожно взяла меня под руку, прижалась ко мне всем телом.

— Ну что, пойдём? А то я так разволновалась, что, кажется, совсем проголодалась.

— Пойдём! — с улыбкой сказал я.

Ресторан оказался местом с приглушённым светом, мягким джазом и тяжёлыми бархатными шторами, что создавало атмосферу интимности и роскоши, к которой Виктория не была готова. Когда мы вошли, она на мгновение замерла, оглядываясь по сторонам с широко открытыми глазами. Для неё всё здесь — от белоснежных скатертей до блеска хрустальных бокалов — казалось декорацией к фильму о красивой жизни.

«Я здесь. Я действительно здесь, а не в своём воображаемом мире. И я выгляжу так, что на меня смотрят... не с жалостью, а с интересом.»

Весь ужин Виктория пребывала в состоянии приятного возбуждения. Она осторожно касалась приборов, словно боясь их сломать, и с любопытством изучала меню, выбирая блюда, названий которых даже не знала. Однако самое главное происходило не в тарелках, а в наших разговорах. Вдали от бытовых забот и учёбы мы начали открываться друг другу с новой стороны. Виктория больше не говорила о боли; она рассказывала о своих мечтах — о коте из приюта, о книгах, которые хочет прочитать, и о том, как она хочет однажды сама организовать что-то масштабное в карьере.

Она ловила каждое моё слово, и её взгляд, полный обожания, не отрывался от моего лица. Когда наши руки случайно соприкоснулись на столе, она не отстранилась, а наоборот — мягко переплела свои пальцы с моими, чувствуя, как по телу пробегает лёгкая дрожь. В этом жесте было всё: и благодарность, и зарождающаяся страсть, и осознание того, что этот вечер — точка невозврата.

— Знаешь, — прошептала она, глядя на меня через край бокала с вином, и её голос стал низким, с лёгкой хрипотцой, — я никогда не думала, что еда может быть такой вкусной, когда рядом есть кто-то, кто заставляет чувствовать себя... особенной.

По мере того как вечер подходил к концу, атмосфера за столом стала густой и наэлектризованной. Вино слегка развязало Виктории язык, и она стала более смелой в своих проявлениях. Она больше не сидела прямо; теперь она слегка подалась вперёд, сокращая расстояние между нами до минимума, так что я мог чувствовать тонкий аромат её духов — лёгкий, цветочный, совершенно не похожий на запах подъезда, который сопровождал её всю жизнь.

«Я хочу, чтобы он знал. Не просто «спасибо», не просто «я ценю». Я хочу, чтобы он почувствовал, что я принадлежу ему так же сильно, как он стал частью моего спасения.»

Когда официант принёс десерт, Виктория даже не взглянула на него. Она смотрела только на меня, и в её голубых глазах теперь горел не просто восторг, а неприкрытая, голодная жажда близости. Она медленно провела кончиком пальца по моей ладони, рисуя невидимые узоры, и этот жест был почти вызывающим, осознанным.

— Мне кажется, — тихо произнесла она, и её голос стал совсем низким, почти интимным шёпотом, — что этот ресторан слишком шумный для того, что я сейчас хочу тебе сказать.

Она замолчала, но её взгляд стал красноречивее любых слов. В нём читалось приглашение, которое невозможно было проигнорировать. Виктория чувствовала, как внутри неё всё сжимается от предвкушения. Она больше не была напуганной девочкой; она была женщиной, которая точно знала, чего хочет, и эта уверенность придавала ей почти хищную грацию.

Когда пришло время оплачивать счёт, она не отпустила мою руку, крепко сжав мои пальцы, словно боясь, что если она отпустит, магия этого вечера исчезнет.

Поездка домой прошла в гнетущем, но сладком молчании. В салоне машины воздух казался наэлектризованным; Виктория сидела, прижавшись к мне, и её дыхание было сбивчивым. Мы чувствовали, как между нами натянулась невидимая струна, готовая лопнуть от любого прикосновения. Весь вечер в ресторане был лишь прелюдией, долгой и изысканной подготовкой к тому, что должно произойти сейчас.

«Больше никаких барьеров. Никаких худи, никаких страхов. Только он и я.»

Как только дверь квартиры захлопнулась, тишина подъезда сменилась оглушительным стуком их сердец. Виктория не стала включать свет. В полумраке прихожей она резко развернулась к мне, и её движения были лишены прежней робости. Она буквально впечатала меня в дверь, обвив шею руками и впиваясь в мои губы жадным, почти отчаянным поцелуем, в котором смешались всё: и благодарность, и накопленное за месяц влечение, и дикое желание наконец-то почувствовать себя желанной.

Её пальцы впились в мои плечи, а тело прижалось к мне с такой силой, словно она пыталась слиться с мной в одно целое. Виктория тихо застонала в поцелуй, и этот звук был полон облегчения и страсти. Она больше не была той сломленной тенью с лестницы — сейчас она была женщиной, которая забирала свою награду за борьбу.

— Пожалуйста... — прошептала она, отрываясь от моих губ всего на миллиметр, и её дыхание обжигало мою кожу. — Я больше не хочу ждать.

Она потянула меня за руку в сторону спальни, не разрывая контакта, и в её глазах, сверкающих в темноте, читалось одно: сегодня она хочет отдать мне всё, что в ней осталось.

— Постой! Я.. я солгал тебе... — вдруг заиграла во мне совесть. — Я выдумал эту историю, чтобы помочь тебе...

Виктория замерла. Её рука, всё ещё сжимавшая мой затылок, медленно разжалась. Слова, произнесённые мной таким спокойным, почти обыденным тоном, прозвучали как оглушительный взрыв в абсолютной тишине. Она смотрела на меня, и её взгляд начал медленно меняться: восторг и страсть сменились глубоким, ледяным недоумением. Весь мир, который она так тщательно выстраивала за это время, вдруг дал трещину, и из неё потянуло холодом.

«Выдумка? Что значит — выдумка? Все эти разговоры о выборе, о силе, о том, как он помогал другим... Всё это была ложь?»

Она медленно отстранилась от меня, и этот разрыв был почти физически болезненным. Виктория почувствовала, как внутри неё что-то обрывается — та самая тонкая нить доверия, на которой держалась её новая жизнь. Она смотрела на меня, и теперь я казался ей чужим. Не тем героем, не тем спасителем, а кем-то, кто просто играл в игру, используя её уязвимость как полигон для своего социального эксперимента.

— Что ты сказал? — тихо, почти шепотом спросила она. Её голос больше не дрожал от страсти, он стал ровным и пустым, как выжженная земля. — Повтори. Пожалуйста, повтори еще раз, чтобы я точно поняла, что всё это время я любила... кого?

Она посмотрела на свои руки, которыми только что с такой жадью касалась меня, и ей внезапно стало противно. Виктория сделала ещё один шаг назад, и её лицо, только что сиявшее от счастья, стало маской холодного, осознанного ужаса.

Виктория застыла, и её взгляд стал колючим, почти враждебным. Эти слова, призванные оправдать ложь «благородной целью», ударили по ней сильнее, чем если бы я просто признался в равнодушии. Она почувствовала, как в груди закипает холодная, ядовитая ярость — та самая, которую она так долго пыталась подавить, чтобы стать «лучшей версией себя».

«Помочь мне? Он решил, что я настолько ничтожна, что не смогу вырасти без красивой сказки? Он не дал мне выбор... он просто создал для меня иллюзию, в которую я поверила, как глупая девочка.»

— Помочь мне? — её голос зазвучал резко, с какой-то пугающей, металлической ноткой. Она больше не ссутулилась; теперь она стояла прямо, и её взгляд был пронзительным,

как скальпель. — Ты не помогал мне, ты манипулировал мной! Ты создал образ идеального человека, чтобы я привязалась к тебе, чтобы я смотрела на тебя снизу вверх!

Виктория смотрела на меня теперь не с любовью, а с глубоким, горьким разочарованием. Весь её успех за это время: всё это было построено на фундаменте из лжи.

— Ты считал, что я слишком слабая, чтобы справиться самой? Что мне нужен «выдуманный герой», чтобы я наконец-то начала жить? — она горько усмехнулась, и в этой усмешке не было ни капли тепла. — Поздравляю. Ты добился своего. Я действительно стала сильной. И теперь я вижу тебя настоящего. И мне... мне просто тошно.

— Ты мне нравишься! Но я хотел, чтобы ты почувствовала себя живой!... — виновато опустив глаза, сказал я и вышел за дверь.

«Он просто ушёл. Без борьбы. Без последнего слова. Значит, даже это было частью его «плана»? Или он действительно считает, что я настолько легко ломаюсь, что один его уход сотрёт всё, что между нами было?»

Она медленно опустилась на пол прямо в прихожей, прислонившись спиной к холодной стене. Виктория обхватила свои колени руками и уткнулась в них лицом. Сначала она пыталась сдерживать слезы, но через минуту её затрясло в рыданиях. Она чувствовала себя обманутой в лучших своих мечтах.

Эта ночь стала для обоих временем мучительного анализа и тишины, которая была громче любого крика. Виктория не спала. Она металась по квартире, словно запертый в клетке зверь, то впадая в состояние ледяного оцепенения, то вспыхивая новой волной ярости. Каждый шорох за дверью заставлял её сердце замирать в надежде, которую она тут же душила в себе с ожесточением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.